

КНИГА И ЧТЕНИЕ В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ

Научная статья
УДК 821.581
doi: 10.17223/23062061/34/5

ИСТОРИЯ ИЗДАНИЯ ПЕРВОЙ КИТАЙСКОЙ КНИГИ ВО «ВСЕМИРНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ». НОВЫЕ ПОДРОБНОСТИ О «ЛИСЬИХ ЧАРАХ» ПУ СУН-ЛИНА

Яков Дмитриевич Чечнёв¹

¹ *Институт мировой литературы имени А.М. Горького Российской академии наук,
Москва, Россия, ya.d.chechnev@yandex.ru*

Аннотация. Вводятся в научный оборот малоизвестные документы из Архива А.М. Горького Института мировой литературы РАН. Описана история запланированной к изданию первой книги о китайском авторе Пу Сун-лине во «Всемирной литературе». Заполняется лакуна в истории работы известного китаиста В.М. Алексеева над переводом новелл, входящих в книгу «Ляо Чжай чжи и» («Записки необыкновенного, сделанные Ляо Чжаем» или, в другом переводе, «Странные истории из Кабинета Неудачника»), в 1919 г.

Ключевые слова: «Всемирная литература», В.М. Алексеев, Пу Сун-лин, «Лисьи чары», Китай

Для цитирования: Чечнёв Я.Д. История издания первой китайской книги во «Всемирной литературе». Новые подробности о «Лисьих чарах» Пу Сун-лина // Текст. Книга. Книгоиздание. 2024. № 34. С. 50–63. doi: 10.17223/23062061/34/5

BOOK AND READING IN CULTURE

Original article

THE HISTORY OF THE PUBLICATION OF THE FIRST CHINESE BOOK IN VSEMIRNAIA LITERATURA. NEW DETAILS ABOUT PU SONGLING'S "FOX CHARMS"

Yakov D. Chechnev¹

¹ A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow,
Russian Federation, ya.d.chechnev@yandex.ru

Abstract. The article aims to introduce into scholarly discourse new documents from the Archive of the A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences that shed light on the work of the famous sinologist Vasily Alekseev on the translation of the novelist Pu Songling in 1919. The history of the discussion of the Chinese author's works at the meetings of the Eastern Department is described. Some provisions of other researchers, reflected in the already written works on Pu Songling's translations, are clarified and revisited. The author of the article reconstructs the background of the study and first translations of the Chinese novelist and the presentation of his works by Alekseev to the staff of the Vsemirnaia Literatura [World Literature] publishing house. The significance of 1919 for the history of translations of works from *Liaozhai Zhiyi* [Strange Tales/Stories from a Chinese Studio] in Russia is emphasized: then, at the meetings of the Eastern Department, the question of the maximum possible transfer of Pu Songling's style by means of the Russian language was raised. This goal was set by Alekseev. The members of the Eastern Department discussed not only the concept of translation, but also the principles of drafting the preamble to the novels, their content, as well as the possibilities of publishing a Chinese writer. The published documents illustrate these processes and also shed light on the activities in Vsemirnaia Literatura of well-known writers (A.A. Blok and N.S. Gumilev) and scientists (S.F. Oldenburg, I.Y. Krachkovsky, V.M. Alekseev).

Keywords: Vsemirnaia Literatura, Vasily Alekseev, Pu Songling, "Fox Charms", China

For citation: Chechnev, Ya.D. (2024) The history of the publication of the first Chinese book in Vsemirnaia Literatura. New details about Pu Songling's "Fox Charms". *Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing.* 34. pp. 50–63. (In Russian). doi: 10.17223/23062061/34/5

Восточный отдел, возглавляемый крупными востоковедами, занимал особое место в деятельности «Всемирной литературы»: он «с самого начала носил чисто академический, научно-исследовательский характер» [1. С. 213]. Как отмечает А.А. Долинина, «перед восточниками задачи

стояли сложнее, и почти каждый шаг переводчиков был шагом по целине» [2. С. 175].

История Восточного отдела «Всемирной литературы» до сих пор не написана. Фундаментальные монографии, такие, например, как уже упомянутая работа А.А. Долининой об И.Ю. Крачковском, могут лишь частично приоткрыть многообразие деятельности уникальной научно-исследовательской единицы горьковского издательства.

«Всемирная литература», как известно, была организована 20 августа 1918 г. Восточный отдел появился позднее. 10 января 1919 г. под председательством известного индолога, академика С.Ф. Ольденбурга состоялось обсуждение предложения А.М. Горького об организации серии переводов с восточных языков. Об этом свидетельствует, например, запись в дневнике И.Ю. Крачковского [2. С. 173], который на первых порах без энтузиазма воспринимает эту идею, но спустя три месяца меняет свое отношение и с мая 1919 г. уже принимает активное участие в заседаниях. Документальная история Восточной коллегии «Всемирной литературы» начинается с 28 апреля 1919 г. В ИМЛИ РАН сохранились протоколы заседания новообразованного отдела.

Цель нашей работы – ввести в научный оборот новые документы из Архива А.М. Горького ИМЛИ РАН, проливающие свет на работу известного китаиста В.М. Алексеева над переводом новелл писателя Пу Сун-лина.

Алексеев не был единственным переводчиком Пу Сун-лина в России. Как отмечает в статье академик Б.Л. Рифтин, на китайского новеллиста первым обратил внимание академик В.П. Васильев во время своей десятилетней командировки в Пекин в 1840–1850 гг., а в 1868 г. в первом выпуске его «Китайской хрестоматии» для студентов Восточного факультета Петербургского университета был дан оригинальный текст пяти новелл Пу Сун-лина и их перевод с толкованием отдельных китайских слов [3. С. 119]. Позже попытки переводить китайского автора предпринимали Н.И. Монастырев, ученик В.П. Васильева, и китаевед А.И. Иванов. В.М. Алексеев первым поставил перед собой задачу отразить художественную сторону (передать «прелесть китайского текста») новелл Пу Сун-лина, а не ограничиваться утилитарным переводом для ученических целей [3. С. 120].

Алексеев задумался о переводе Пу Сун-лина еще во времена стажировки в Китае в 1907 г. Две новеллы вышли в печати уже в 1910 г. на белорусском языке. До сих пор остается загадкой, почему Алексеев, белорусского языка не знавший, согласился на эту публикацию. На русском произведения Пу Сун-лина появились в 1913 г. в «Китайских текстах» (хрестоматии для чтения со студентами, подготовленной Алексеевым) [3. С. 120–121], но это

были, как нетрудно догадаться, переводы, предназначенные для учебы. К русскому художественному переводу новелл Пу Сун-лина Алексеев по-настоящему приступил уже после революции, в 1918–1919 гг., когда, в числе других известных востоковедов Петрограда вошел в число сотрудников издательства «Всемирная литература» и занимал должность секретаря Восточного отдела.

Основные вехи рецепции творчества китайского новеллиста Пу Сун-лина в России, а также работа В.М. Алексеева над переводами этого автора как во «Всемирной литературе», так и позднее, восстановлены в статье М.В. Баньковской [4]. В означенной работе интересующий нас период, однако, дан реферативно и, к сожалению, без ссылок на литературу и архивные источники. «29 августа 1919 г. на заседании Коллегии экспертов Восточного отдела Алексеев доложил о принципах перевода новелл Пу Сун-лина, а 23 декабря представил Коллегии последний – пятый – лист перевода “Лисьих чар”. Пять печатных листов за неполные четыре месяца – скорость невероятная даже для Алексеева, всех всегда удивлявшего своей быстротой. <...> Конечно, у Алексеева уже были какие-то “заделы” – новеллы, переведенные для лекций или хотя бы разработанные, но их было немного, работа предстояла огромная, и Алексеев работал, себя не щадя, охваченный и увлечением, и азартом» [4. С. 730]. Это все, что касается «Лисьих чар» Пу Сун-лина. В 1920 г. Алексеев уже переводит новеллы для сборника «Монахи-волшебники» (вышел в 1922 г. [5]).

Более полную картину, с выдержками из протоколов заседаний Восточного отдела «Всемирной литературы», дает академик Б.Л. Рифтин [3. С. 122–128]. Ученый не ставил перед собой задачу реконструировать работу Алексеева над переводами Пу Сун-лина для «Всемирной литературы». Этот сюжет освещен фрагментарно. Однако при дальнейшем изложении мы будем опираться на статью Б.Л. Рифтина.

Следует подчеркнуть, что Алексеев открыл для русскоязычного читателя Пу Сун-лина. И основные события, касающиеся подготовки первого в России издания художественного перевода этого автора, произошли именно в 1919 г. Обсуждалась не только концепция перевода Пу Сун-лина, о которой упоминает М.В. Баньковская, но и преамбула к новеллам, их содержание, а также возможности издания китайского писателя.

Алексеев действительно заявил о своем желании переводить Пу Сун-лина 29 августа 1919 г. Он предполагал выпустить том с новеллами, составившими «Лисьи чары», в «Народной» серии (подробнее о сериях «Всемирной литературы» см.: [1. С. 219–222]). Перевод мыслился им как адаптированный, лишенный литературной отделки, характерной для оригинала. Это вызвало возражения со стороны заведующего издательством

А.Н. Тихонова, но ученый отстаивал свою точку зрения. «Алексеев указывает на особый характер этого произведения, одинаково отличающий его в смысле фабулы, пленяющей малоразвитых читателей и в смысле формы, чарующей образованных людей. Исчезновение литературной насыщенности не повредит делу, наоборот, сообщит народному изданию тот самый колорит, который это произведение имеет в глазах китайских народных читателей, которые, между прочим, чаще всего усваивают себе Пусунлина (так! – Я. Ч.) в разговорном парафразе мастеров-рассказчиков, в котором, разумеется, вся литературная отделка отпадает и остается только увлекательная фабула и вычерчивание действия и фигур. Кроме того, подобная трактовка перевода позволит обойтись почти без примечаний, которые, иначе, понадобились бы чуть не для каждой строки» [6. Ед. хр. 260. Л. 1 об.].

Из приведенной цитаты видно, что выбор Алексеева дать адаптированный перевод обоснован в первую очередь характером материала – особой литературной отделкой. «Инаковость» этой отделки поясняется Б.Л. Рифтиным. Дело в том, что новеллы Пу Сун-лина написаны «неслышимым литературным языком, воспринимаемым только зрительно» [3. С. 124]. Такая особенность разделения разговорного и литературного языков характерна для китайской литературы. Это подчеркивал и Алексеев в предисловии к вышедшим в 1922 г. «Лисьим чарам»: «Трудно сообщить русскому читателю, привыкшему к вульгарной передаче вульгарных тем и особенно разговоров, восхищающую китайца двойственность, которая состоит из простых понятий, подлежащих, казалось бы, выражению простыми же словами, но для которых писатель выбирает слова-намеки, взятые из обширного запаса литературной учености и понимаемые только тогда, когда читателю в точности известно, откуда взято данное слово или выражение, что стоит впереди и позади его, одним словом – в каком соседстве оно находится, в каком стиле и смысле употреблено на месте и какова связь его настоящего смысла с текущим текстом» [7. С. 10]. Алексеев указал на интертекстуальный характер творчества Пу Сун-лина и на разнонаправленность реминисценций в его новеллах. Но такие особенности привлекают просвещенных читателей. Во «Всемирной литературе» же китайского автора предполагалось издать в «Народной» серии, следовательно, и перевод должен был быть понятным малоподготовленному реципиенту.

Свой выбор Алексеев обосновывал тем, что, несмотря на хитросплетенную языковую ткань новелл, они вместе с тем насыщены действием. Ученый предлагал сосредоточиться главным образом на передаче фабулы, не забывая при этом о литературных «красотах» оригинала.

В результате на заседании Восточного отдела Алексееву было предложено представить образец своего перевода, а Тихонов взял на себя переговоры с типографией по вопросу публикации иллюстраций в предполагаемом томе. Иллюстрации были предоставлены Алексеевым, по видимому, из собственной коллекции [8. С. 180–200, 302–313].

Позднее, 12 сентября 1919 г., Тихонов отчитается о невозможности напечатать иллюстрации в книге Пу Сун-лина «ввиду, во-первых, усталого фототипического оттиска, с которого предполагено сделать репродукции, во-вторых, ввиду непомерной дороговизны репродукции, могущей увеличить стоимость книги до невозможных размеров, в-третьих, ввиду закрытия, хотя и временного, типографии, которая одна только может сделать клише» [6. Ед. хр. 261. Л. 1]. Последствия революции и Гражданской войны распространялись и на книжный рынок: не хватало бумаги и оборудования.

Два с половиной месяца Алексеев работал над переводом «Лисьих чар» Пу Сун-лина и уже 18 ноября 1919 г. представил первые листы на заседании Восточного отдела. «Эти рассказы XVII века, – отмечается в протоколе, – являются несомненно самой популярной литературой и самым любимым чтением в Китае, одинаково дорогим и еле грамотному (особенно в разговорной отделке публичных рассказчиков), и тонко образованному и начитанному *lettré*¹. Перевод сделан по принципу наибольшей близости к тексту, соединенной с требованиями русской ритмики, которой представлены верховные права. Переводы предназначены для народного издания. С.Ф. Ольденбург, имевший случай ознакомиться с этими переводами, находит их достаточно текучими, плавными, легко укладывающимися в память содержание рассказов. Постановлено рассказы эти принять, и тематическое распределение их по сериям одобрить» [6. Ед. хр. 269. Л. 1]. О каком тематическом распределении идет речь, неясно, поскольку в выпущенной «Всемирной литературой» книге рассказы даны без рубрик [7]. Вместе с тем в приведенной цитате обращают на себя внимания слова, посвященные русской ритмике, в соответствии с правилами которой был выполнен перевод. Учитывая, что китайский язык имеет сложную фонетическую систему с тоническим ударением, Алексеев пытался «подверстать» стиль «Лисьих чар» к русской фонетике, что, как видно из отзыва С.Ф. Ольденбурга, ему удалось. Это же подтверждает Б.Л. Рифтин, характеризуя выполненный Алексеевым перевод как «соединение величайшей точности с ритмикой (и, добавим, выразительностью) русского языка» [3. С. 124].

¹ Эрудит, просвещенный человек (фр.).

В декабре 1919 г. Алексеев трижды представляет листы перевода новелл Пу Сун-лина: 2, 9 и 23 декабря. 9 декабря ученый «читает один из переводов рассказов Пу Сун-лина для демонстрации некоторых принципов художественного перевода» [б. Ед. хр. 272. Л. 1], но в протоколе не уточняется, что это был за рассказ и какие принципы перевода обсуждались.

В истории подготовки перевода и публикации «Лисьих чар» особое место занимает заседание Восточного отдела 23 декабря 1919 г. На нем, как отмечено М.В. Баньковской, был представлен последний (пятый) лист произведения Пу Сун-лина. Однако исследовательница опускает сюжет, связанный с обсуждением преамбулы к «Лисьим чарам», в котором принимали участие А.А. Блок, Н.С. Гумилев, К.И. Чуковский, А.Н. Тихонов, И.Ю. Крачковский. Одним из повторяющихся замечаний был вопрос о том, почему Алексеев подчеркивает в статье отличия китайской литературной традиции, а не отмечает ее связь с мировым литературным процессом, как того требует специфика издательства «Всемирная литература», заложенная уже в названии институции.

Другие вопросы, которые поднимались ученым, касались отнесения Пу Сун-лина к «Народной» серии. Такой выбор вызывал недоумение у присутствующих, поскольку специфика языка, экзотизмы текста и т.п., подчеркнутые Алексеевым, показывали читателю сложность новелл, и, следовательно, «Лисьи чары» больше соответствовали «Общей» серии. Блок и Гумилев выступили с частными замечаниями. В ответах рецензентам Алексеев пояснил свою позицию, а из частных замечаний разобрал только гумилевское сравнение Пу Сун-лина и Гофмана. Полностью текст обсуждения мы помещаем в прил. 1.

30 декабря 1919 г. Алексеев представил новый вариант преамбулы к произведениям Пу Сун-лина. Это заседание также представляет интерес, поскольку на нем вновь развернулось обсуждение положительных и отрицательных сторон предисловия.

«Лисьи чары» были первой книгой о Китае, выпускаемой «Всемирной литературой». Поэтому неудивительно, что китайский новеллист привлек к себе внимание как ориенталистов, так и членов Западного отдела издательства. Участвовали в обсуждении С.Ф. Ольденбург, И.Ю. Крачковский и А.Н. Тихонов. Востоковедов не устраивали «перегруженность» первой части преамбулы историческими экскурсами как в русскую, так и мировую литературу, сомнительность нескольких положений, а также длины исторических экскурсов, касающихся собственно китайской литературной традиции. А.Н. Тихонов, однако, защищал эти особенности преамбулы Алексева, приводя в качестве аргумента то, что перед чита-

телем будет первая книга о Китае от «Всемирной литературы» и, следовательно, надо бы оставить исторический и компаративный пласты. В результате было постановлено принять предисловие для «Народной» серии, но на всякий случай направить его А.М. Горькому. Второе обсуждение преамбулы к «Лисьим чарам» мы помещаем в прил. 2.

13 января 1920 г. обсуждался отзыв Горького о преамбуле к «Лисьим чарам», в результате «постановлено, ввиду неясности отношения рецензента к вопросу о пригодности означенного предисловия к народному изданию, просить его высказаться определеннее» [6. Ед. хр. 275. Л. 1]. Отзыв Горького не сохранился. Но, как отмечает М.В. Баньковская, Алексееву он не понравился, что и стало причиной его размолвки с организатором «Всемирной литературы» [4. С. 730–731].

Приложения

Выдержки из протоколов заседаний Восточного отдела издательства «Всемирная литература» публикуются по машинописям, хранящимся в фонде А.Н. Тихонова в Архиве А.М. Горького ИМЛИ РАН. Тексты печатаются в соответствии с правилами современной орфографии и пунктуации, с сохранением индивидуальных особенностей написания. Описки и иные погрешности текста исправлены без оговорок. Вставки и вычеркивания оговариваются в сносках в тех случаях, когда это важно для понимания смысла.

1. Из Протокола заседания коллегии экспертов Восточного отдела «Всемирной литературы» от 23 декабря 1919 г. [6. Ед. хр. 273. Л. 1–1 об.].

<...>

В.М. Алексеев представляет последний (пятый) лист «Лисьих Чар» и читает свое предисловие к народному изданию этих повестей. Высказываясь по этому поводу, А.А. Блок находит недостаточными те обобщения, которые даны в предисловии относительно суеверных и иных подходов к лисице, наблюдаемых у других народов¹. Н.С. Гумилев находит, судя по предисловию, много общего между повестями Пу Сунлина и Гофмана и также желал

¹ В опубликованной преамбуле к «Лисьим чарам» читаем следующее: «Кто из нас не знает, какими качествами наделил куму-лису, Лису Патрикеевну, воровку-лису русский человек? Кто не знает таких выражений, как: лисить, лису петь, подпускать лису, лисой пройти, не волчий зуб – так лисий хвост, лиса своего хвоста не замазает, кабы лиса не подспела, то бы овца волка съела и т.п., в которых лиса является образом человека лукавого, хитрого, пролазы, проныры, корыстного лысца? Русский народ, конечно, не оригинален в данном отношении, и все вышесказанное является

бы обобщений. А.Н. Тихонов считает ненужным обращение к читателю, предупреждающее его против непонятной экзотики¹. Кроме того, он считает не соответствующим целям, которые себе намечает «ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА», как Издательство, указывать только пункты разобщенности этой или иной литературы от сонма литератур мира. Нужно, наоборот, указать на общие стороны международного проявления человеческого духа. Личное впечатление А.Н. <Тихонова> от прочитанных им рассказов такое, что может быть скорее охарактеризовано как близкое и знакомое, нежели как далекое и разобщенное². Статья, по мнению А.Н. <Тихонова>, вообще слишком перегружена для народного издания, и ее лучше было бы оставить для основного. К.И. Чуковский находит возможным несколько распространить конец статьи, посвятив несколько строк обобщениям и указанию на единство человеческого духа³. Далее К.И. <Чуковский> не находит явление разобщен-

лишь примером человеческой изобретательности, первобытной, простодушной, наивной. Ей еще так далеко до развитого понимания, прошедшего школу научного наблюдения и успокоившего свое жуткое ощущение соседства непонятных животных пониманием биологической панорамы» [7. С. 7–8]. Сосредоточение исключительно на хитрости лисы, вероятно, могло показаться Блоку недостаточным для характеристики «суверенных и иных» представлений об этом животном у разных народов.

¹ Это обращение сохранилось в изданном предисловии: «Переводчик просил бы, прежде всего, не удивляться всему тому, что не совпадает с привычным чтением. <...> Опасно, – должен предостеречь переводчик, – будучи простым обывателем, мнить себя абсолютным судьей чужеземного творчества» [7. С. 20–21]. До этого Алексеев в более мягкой форме намекал на то, что не стоит судить о фантастике новелл Пу Сунлина как о чем-то экстраординарном: «Переводчик и автор этого предисловия предполагают, что эта фантастика, это причудливое смешение мира действительности с миром невероятных возможностей может волновать русского читателя, если он хоть немного склонен к обособлению от жизни, и дать ему ряд переживаний, которые для русской и европейской литературы, вообще, необыкновенны и интересны» [7. С. 11].

² Замечание Тихонова, вероятно, касается одного из выводов Алексеева: «Эта волшебная фантастика, которую китайский народ, неизвестно даже с какого времени, окутывает простого плотоядного зверька, разрастается до размеров, которые, повидимому (так! – Я. Ч.), совершенно чужды воображению других народов» [7. С. 9].

³ Пожелание Чуковского не было учтено. Алексеев заканчивает свою преамбулу характеристикой собственного перевода, подчеркивая его цель – отразить посредством русской речи специфику подлинника: «Переводчик есть только переводчик. Ему доступны фразы, слова, иногда образы, но переводчик Байрона не Байрон, переводчик Пушкина не Пушкин, и, значит, переводчик Ляо Чжая не Ляо Чжай. Если ему удалось найти в себе проникновенное слияние двух разных миров – китайского и русского; если он сумел достойным образом передать содержание повестей на русскую литературную речь, легко читаемую и, действительно, отражающую подлинный текст, не делая уступок в угоду понятливости читателя, то последний вместе с переводчиком может быть доволен» [7. С. 22]. Из последнего предложения приведенной

ности книжного языка от разговорного присущим исключительно китайскому языку¹ и указывает, что, по его мнению, 90% литературных сюжетов и идей идут от культурного наследия, запечатленного на языке. А.А. Блок находит, что здесь, по-видимому, наблюдается некая общая трагедия книги, составление которой на несколько веков опережает читателя². Так, в России культура языка была прервана шестидесятниками, и ныне еле-еле налаживается³.

И.Ю. Крачковский также считает желательным передачу этого предисловия в основное издание тех же рассказов. Далее И.Ю. <Крачковский> указывает на параллельные явления двойственности языка, легко наблюдаемые главным образом в арабском, а также и в других языках, и что вообще это явление, подчеркнутое автором предисловия как обособленное, нужно, наоборот, считать скорее явлением общим. С.Ф. Ольденбург точно так же находит во всем прослушанном больше общности с другими литературами, нежели разнообразия. Именно теперь, благодаря большей разнообразности мировых литературных сближений, мы начинаем ближе понимать Китай.

цитаты видно, что Алексеева мало заботил технический момент отнесения его перевода к «Основной» или «Народной» сериям «Всемирной литературы». Этим был озабочен заведующий издательством – А.Н. Тихонов. Для Алексеева было важно приблизиться к оригиналу посредством русского языка. Учитывая высокую оценку качества переводов Пу Сун-лина [3], можно, выражаясь словами из преамбулы к «Лисьям чарам», сказать, что читатель «вместе с переводчиком может быть доволен».

¹ Замечание относится к объяснениям Алексеева, касающимся «двойного» языка новелл Пу Сун-лина. Ученый рассказывал о существовавшем в Китае разделении литературного и разговорного языков. Эти две традиции соединил в своем творчестве Пу Сун-лин. «Волшебным магнитом своей богатейшей фантазии Пу Ляо Чжай заставил кастового ученого отрешиться от представления о литературном языке как о чем-то важном, трактуемом только традиционные темы. Он воскресил язык, извлек его, так сказать, из амбаров учености и пустил в вихрь жизни простого мира [7. С. 17].

² Под трагедией книги Блок, вероятно, подразумевает трагедию художника, который на несколько десятилетий опередил представления о литературе своего времени и начал писать так, как не было принято в тот период. В результате его произведения не были должным образом прочитаны современниками. Тем не менее, если верить словам Алексеева, это было компенсировано посмертной славой Пу Сун-лина: «“Записки необыкновенного, сделанные Ляо Чжаем” (Ляо Чжай чжи и), можно сказать, не боясь преувеличения, являются в Китае самой популярной книгой» [7. С. 11].

³ Академик Б.Л. Рифтин так комментирует это замечание: «Блок, видимо, имел в виду общий упадок языковой, в том числе и переводческой, культуры, которым была отмечена последняя треть XIX в. в России, когда книжный рынок был буквально захламлен плохими, неряшливыми переводами, сделанными наспех случайными переводчиками и “адресованными невзыскательным праздным читателям, ищущим в книге лишь пустую развлекательность”» [3. С. 125].

Кроме того, в нашем же русском языке мы имеем все указанные явления параллельного сосуществования различных языковых напластований. Возражая на сделанные замечания, В.М. Алексеев находит, что по его впечатлениям между Гофманом и Пу Сунлином нет почти ничего общего, ибо идеалистическая романтика, переданная, к тому же, в примитивной рамке наивного восприятия мира, очень далека от реалистического бытописания Пу Сунлина. Остается общим только подход к действительности, переплетенной с миражом. Далее В.М. <Алексеев> находит, что черты сближения, общечеловеческие мотивы, конечно, имеются, но он полагает, что их заметит сам читатель. Предисловие же должно занять объяснением вещей, не совпадающих с нашими. Двойственность китайского языка совершенно исключительная и лишь частью напоминает общеизвестные явления, отличающие всякий книжный язык от разговорного. Этим вопросом автор много занимался, причем пришел к выводу, что примерами этого порядка явлений можно лишь иллюстрировать наш частный подход к пониманию сущности китайского письменного языка, но сам язык, нестареющий резервуар культурной жизни тысячелетий, есть феномен исключительный, составляющий реальную трудность его усвоения, замаскированную от поверхностно знакомых с общими его чертами – его иероглификой, в которой, на самом деле, нет ничего трудного.

<...>

2. Из Протокола заседания коллегии экспертов Восточного отдела «Всемирной литературы» от 30 декабря 1919 г. [б. Ед хр. 274. Л. 1–1 об.].

<...>

В.М. Алексеев читает свое новое предисловие к рассказам Пу Сунлина «Лисьи чары». Высказываясь по этому поводу А.Н. Тихонов находит, что статья удовлетворяет требованиям к предисловиям такого рода, т.е. предпосылаемым народному изданию, и написана в достаточной степени живо. Однако в статье допущены некоторые излишне субъективные оценки вещей, отчасти установленных (напр<имер>, в тех местах, где говорится о русской литературе вообще), отчасти спорных (о балладах Жуковского, о характерных признаках литературной речи)¹. И.Ю. Крачковский находит, что первая часть статьи тяжеловата, требует от читателя известного настроения и напряжения и скорее расхолаживает, чем увлекает читателя. Ее следовало бы выпустить. И вообще, прочитанное предисловие вряд ли пригодно к народному

¹ Речь, видимо, идет о следующих словах Алексеева: «Ведь, перевод на китайский язык наших произведений, например поэм Жуковского, сна Татьяны из “Евгения Онегина”, святочных рассказов и т.д., поверг бы китайца точно так же в крайнее удивление и вызвал бы недоуменный вопрос: где же тут литература, что интересного в этой диковинной чепухе, шокирующей литературный вкус читателя?» [7. С. 20–21].

изданию. С.Ф. Ольденбург также находит статью совершенно неподходящею к народному изданию, читатель которого не имеет достаточной подготовки к усвоению изложенного в ней. Кроме того, она излишне длинна и допускает ряд лишних иностранных слов. А.Н. Тихонов, возражая на это, находит, что, наоборот, предпослать первой книге о Китае, выпускаемой Издательством, было бы желательным именно такое предисловие, в котором взгляды китайца были бы обобщены и приведены в самую тесную связь с взглядами читателя, которому так же свойственны мечты о счастье и любви. В.М. Алексеев, возражая предупреждающим лицам, указывает на то, что субъективные взгляды им сознательно допущены, но не в той части, о которой говорилось. Кроме того, они изложены на фоне и в рамках взглядов, развиваемых Пу Сунлином, являясь, таким образом, не более как подходом к мировоззрению писателя, рекомендуемым со стороны переводчика. Что же касается неумеренного пользования иностранными словами, то, по мнению писавшего предисловие, – резко расходящемуся с мнением присутствующих, – в настоящее время, когда судьбы русского народа совершенно определенно связаны с международной жизнью и когда на народ обрушился ураган иностранных слов, грубо, но властно и решительно продиктованных ему навсегда, нужно покончить со славянофильским барством, которое, само пользуясь в самом широком масштабе продуктами международной европейской культуры, осложняющей язык чужеродными элементами, в то же время фильтрует русский язык для общего и народного пользования, высокомерно снисходя к детскому уровню развития так называемого народа. Неумеренно, поэтому, – особенно по сравнению с допускавшимся доселе цензурой снисходительных к народу литераторов – пользование иностранными словами в умелых руках литератора должно отныне идти *crescendo*¹. Что же до настоящей статьи, то слова, вроде «наркоман» и «ригорист», по мнению возражающего, являются словами очередной необходимости и не подлежат снисходительной замене перифразом из более обычных слов. Постановлено присоединиться к мнению А.Н. Тихонова о принятии предисловия в народное издание. Для окончательного же суждения постановлено передать статью А.М. Пешкову.

Список источников

1. История книги в СССР, 1917–1921 : в 3 т. Т. 1. М. : Книга, 1983. 240 с.
2. Долинина А.А. Невольник долга: биография И. Ю. Крачковского. СПб. : Петербургское востоковедение, 1994. 464 с.
3. Рифтин Б.Л. Новеллы Пу Сун-лина (Ляо Чжяя) в переводах академика В.М. Алексеева // Восточная классика в русских переводах: обзоры, анализ, критика : сб. ст. М. : Восточная лит., 2008. С. 113–203.

¹ По нарастающей (ит.).

4. Баньковская М.В. Друзья и недруги Ляо Чжая // Пу Сун-лин. Странные истории из Кабинета Неудачника (Ляо Чжай чжи и). СПб. : Петербургское востоковедение, 2000. С. 726–770.

5. Пу Сун-лин. Избранные рассказы Ляо Чжая. Т. 2: Монахи волшебники. Пб. : Государственное издательство, 1922.

6. ИМЛИ РАН. Архив Горького. Ф. А.Н. Тихонова. Оп. 2.

7. Пу Сун-лин. Избранные рассказы Ляо Чжая. Т. 1: Лисьи чары: из сборника странных рассказов Пу Сун-лина (Ляо Чжай Чжи И). Пб. : Государственное издательство, 1922.

8. Меньшиков Л.Н. Китайские коллекции академика В.М. Алексеева (лубок, эстампаж, почтовая бумага и художественный конверт) // Страны и народы Востока : сб. ст. М. : ИВЛ, 1959. Вып. 1. С. 302–313.

References

1. Kim, M.P. (ed.) (1983) *Istoriya knigi v SSSR, 1917–1921: v 3 t.* [History of the Book in the USSR, 1917–1921: In 3 vols]. Vol. 1. Moscow: Kniga.

2. Dolinina, A.A. (1994) *Nevol'nik dolga: biografiya I. Yu. Krachkovskogo* [A Slave of Duty: A Biography of I.Yu. Krachkovsky]. St. Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie.

3. Rifting, B.L. (2008) *Novelly Pu Sun-lina (Liao Chzhaya) v perevodakh akademika V.M. Alekseeva* [Novels by Pu Songling (Liao Zhai) translated by academician V.M. Alekseev]. In: Nikulin, N.I. (ed.) *Vostochnaya klassika v russkikh perevodakh: obzory, analiz, kritika* [Eastern Classics in Russian Translations: Reviews, Analysis, Criticism]. Moscow: Vostochnaya literatura. pp. 113–203.

4. Bankovskaya, M.V. (2000) *Druz'ya i nedrugi Lyao Chzhaya* [Friends and enemies of Liao Zhai]. In: Pu, S. *Strannye istorii iz Kabineta Neudachnika (Lyao Chzhay chzhi i)* [Strange Tales from the Lodge of a Loser (Liaozhai zhiyi)]. St. Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie. pp. 726–770.

5. Pu, S. (1922a) *Izbrannye rasskazy Lyao Chzhaya* [Selected Stories of Liao Zhai]. Vol. 2. Petersburg: Gosudarstvennoe izdatel'stvo.

6. Pu, S. (1922b) *Izbrannye rasskazy Lyao Chzhaya* [Selected Stories of Liao Zhai]. Vol. 1. Petersburg: Gosudarstvennoe izdatel'stvo.

7. Menshikov, L.N. (1959) *Kitayskie kollektsii akademika V.M. Alekseeva (lubok, estampazh, pochtovalaya bumaga i khudozhestvennyy konvert)* [Academician V.M. Alekseev's Chinese collections (popular print, printmaking, postal paper, and artistic envelope)]. In: Struve, V.V. (ed.) *Strany i narody Vostoka* [Countries and Peoples of the East]. Vol. 1. Moscow: Vostochnaya literatura. pp. 302–313.

8. Rifting, B.L. (2008) *V.M. Alekseev – pervyy uchenyy-sobiratel' kartin 'nyan'-khua'* [V.M. Alekseev as the first scientist-collector of Nianhua paintings]. *Vestnik istorii, literatury, iskusstva*. 5. pp. 180–200.

Информация об авторе:

Чечнёв Я.Д. – кандидат филологических наук, научный сотрудник научной лаборатории «Rossica. Русская литература в мировом культурном контексте» Института мировой литературы имени А.М. Горького Российской академии наук (Москва, Россия). E-mail: ya.d.chechnev@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Ya.D. Chechnev, Cand. Sci. (Philology), research fellow, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: ya.d.chechnev@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 03.05.2022;
одобрена после рецензирования 17.04.2023; принята к публикации 12.03.2024*

*The article was submitted 03.05.2022;
approved after reviewing 17.04.2023; accepted for publication 12.03.2024*